

корпуса следует считать видного деятеля и теолога V в. Петра Ивера, а в Иеро-теосе — духовном наставнике Псевдо-Дионисия — видеть учителя Петра — Иоанна Лаза. К аргументам Нудубидзе — Хонигмана С. Г. Каухчишвили добавляет новые доказательства, среди которых следует отметить указание на маргинальную приписку в сирийской рукописи сочинений Псевдо-Дионисия (Ms. syriacae de Paris, № 284): автор этой приписки, содержащей сведения о Петре Ивере, по-видимому, знает, что Петр имеет отношение к ареопагитическим книгам. В этой же главе автор касается христианского романа, характеризуя его как продолжение, трансформацию романа эллинистического периода.

В главе «Византийская литература периода генезиса феодализма» рассматривается творчество писателей VII—X вв. Если в предыдущем, переходном периоде для византийской литературы характерен синкретизм, смешение античных и христианских элементов, то литература VII—X вв. развивается под знаком утверждения новых принципов. Наиболее интересным и оригинальным достижением этого периода является ритмическая поэзия, окончательно порывающая с античным квантитетом и развивающаяся на основе силлабо-тонической системы. Анализируя процессы утверждения новых поэтических критериев, автор знакомит читателя с творчеством представителей обеих школ ритмической поэзии (Роман Сладкопевец, Андрей Критский, Иоанн Дамаскин, Косма Иерусалимский). Светские мотивы рассматриваются на материале поэзии Георгия Писиды и Касии. В этой же главе подробно излагается проблема возникновения греческого «Варлаама и Иоасафа», привлекаются дополнительные, текстологического характера доказательства в подтверждение мнения, что греческий роман написан Евфимием Афонским на основе грузинского варианта романа «Мудрости Балавара». Эта общепризнанная, основанная на показаниях древних греческих, грузинских, латинских источников точка зрения в последнее время была поставлена под сомнение Ф. Дельгером, вновь выдвинувшим давно отвергнутый в науке тезис о принадлежности «Варлаама и Иоасафа» Иоанну Дамаскину. Анализируя леммы греческих рукописей, С. Г. Каухчишвили прослеживает возможный путь возникновения, на основании искажений текста, нового варианта леммы, приписывающего авторство романа Иоанну Дамаскину.

В последней главе — «Литература XI—XV вв.», в связи с проблемой философского и литературного ренессанса XI—XII вв., рассматриваются философские воззрения Михаила Пселла и Иоанна Итала, говорится о связи грузинского философа Иоанна Петрици с передовыми тенденциями византийской философии. Далее автор касается произведений, свидетельствующих о возрождении в византийской литературе XI—XII вв. античного элемента (драма *Χριστός πάσχω*, романы Евстафия Макремволита, Феодора Продрома, Никиты Евгениаца). Однако, говоря о Продроме, основное внимание следовало бы уделить не роману «Роданфа и Досикл», произведению, наименее характерному для творчества Продрома, а сочинениям, написанным на народном, разговорном языке. С этой же точки зрения большего внимания заслуживали и рыцарские романы XIII—XV вв. К сожалению, памятники XIII—XV вв., ввиду некоторой недоработанности V главы, охарактеризованы бегло, а иные и вовсе выпущены из виду. Это, однако, несколько не снижает исключительной ценности работы С. Г. Каухчишвили, первой и пока единственной в советском византиноведении попытки создания систематического курса истории византийской литературы.

А. А.

CONSTANTINE PORPHYROGENITUS. DE ADMINISTRANDO IMPERIO, VOLUME II: COMMENTARY.

London, 1962, X + 221 p.

В 1949 г. венгерский ученый Д. Моравчик издал греческий текст трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» параллельно с английским переводом Р. Дженкинза¹; прошло тринадцать лет, и появился второй том этого издания — комментарий, выполненный группой ученых, в число которых, помимо Моравчика и Дженкинза, вошли также Ф. Дворник, Б. Льюис, Д. Оболенский и С. Рансимен. Общее руководство по изданию тома осуществлял Дженкинз.

Нет необходимости специально распространяться о значении трактата Константина Багрянородного как для истории средневековья вообще, так и для Руси X в. в частности. Критическое комментированное издание этого памятника принесет пользу многим медиевистам.

¹ Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Budapest. 1949.

В комментарии Дженкинз, основываясь на ряде трудов своих предшественников², дает общую характеристику трактата, состоящего из разнородных частей. Как известно, сам Константин во введении выделил четыре части своего сочинения: 1) об отношении империи с различными соседними народами; 2) о незаконных требованиях, предъявляемых соседними народами; 3) описание различных народов — их происхождения, географической среды, обычаев, быта; 4) внутренние изменения в самой Византийской империи (De adm. imp., p. 44.14—24). В грубых чертах первому разделу соответствуют главы с 1-й по 12-ю и начало 13-й гл., второму — остальная часть гл. 13 (стк. 12—200); на третий раздел приходится основная часть книги (гл. 14—48), распадаящаяся в свою очередь на три части: об арабах и других народах, об армянах и грузинах и, наконец, о Кипре в VII в. С конца 48-й гл. (стк. 22) начинается последний раздел.

Дженкинз (стр. 1 и сл.) уточняет состав трактата. Прежде всего он выделяет в книге ряд документов, не предназначавшихся для публикации и послуживших источником для других параграфов. Сюда относятся гл. 23, 24 и начало гл. 25 (стк. 1—55), передающие известия Стефана Византийца и Феофана Сигрианского об Испании (ср. также стр. 80 сл.); начало гл. 48, использованное в гл. 47 (ср. стр. 182); гл. 52, использованная в гл. 51.199—205 (ср. стр. 204) и гл. 53.1—492, где рассказывается о Херсоне (стр. 205). «Возможно, — замечает Дженкинз, — что важная гл. 9 тоже должна быть причислена к этой категории» (стр. 2). Гл. 9 — это знаменитое описание Днепровского пути. О ней детально говорится в комментарии, и я еще к ней вернусь.

Третий раздел, по мнению Дженкинза, распадается на две части. Гл. 14—42, рассказывающие об арабах, Италии, Далмации, печенегах и венграх, устремлены в прошлое и, кроме нескольких случаев [может быть, позднейшие интерполяции (гл. 15. 30)?], не выходят за пределы IX столетия. Напротив, армяно-грузинские главы (43—46) имеют дело с современной автору политикой, с событиями царствования Романа I. Дженкинз предполагает, что гл. 14—42 предназначались для задуманного Константином трактата «О народах» (Περὶ ἔθνων), который должен был, как и трактат «О фемах», описывать события далекого прошлого, главным образом — происхождение народов.

По-видимому, в 952 г. Константин изменил свое намерение и вместо трактата по истории решил составить поучение для своего сына Романа, которому как раз исполнилось 14 лет. Тогда в текст трактата «О народах» были внесены добавления (Дженкинз насчитывает девять подобных вставок), а кроме того, появились первый и второй разделы, армяно-грузинские главы и четвертый раздел, посвященный провинциальной организации, флоту и гражданской администрации. Книга изменила свой характер, из антикварной сделалась современной — практическим наставлением в политике.

Для советского читателя особый интерес представляет гл. 9, являющаяся одним из существенных источников для истории Руси X в. По мнению автора комментария к ней — Оболенского, она по своему характеру плохо согласуется с той «наставительной» частью (гл. 1—13), в которую помещена: скорее всего, это материалы из государственных архивов, использованные Константином в 952 г. при переработке трактата (стр. 18). Гл. 9 распадается на три части. Первая (стк. 3—104), написанная около 944 г., посвящена походу русских однодеревков в Константинополь; живость и точность описания заставляет предполагать, что ее автором был очевидец, скорее всего — участник византийского посольства в Киев; возможно, что часть главы прямо заимствована из дипломатического донесения. Оболенский предполагает, что автор донесения черпал свои сведения от какого-то скандинава из дружины Игоря.

Небольшой второй фрагмент (стк. 104—113), посвященный сбору дани, заимствован, скорее всего, из другого источника. Его терминология (например термин *πολύδα* — полюдье) — явно славянского происхождения; энтоним кривичи транскрибируется здесь в форме *Κριβιτςων* (стк. 108) — гораздо более близкой к оригиналу, нежели *Κριβιτσαῖνοι* (стк. 9—10) в первой части. Оболенский видит в этом фрагменте греческий перевод славянского сообщения.

Последняя фраза гл. 9 касается узов.

Как в общей характеристике трактата, так и в характеристике отдельных глав следовало остановиться на проблеме достоверности и полноты сведений Константина. Разумеется, вряд ли можно считать, что погрешности в труде Константина объясняются «пристрастием к вину» багрянородного писателя³, однако самый факт недостоверности отдельных известий в трактате «Об управлении империей»

² См. особенно: J. Burg. The Treatise De administrando imperio. — BZ, 15, 1906, p. 517—557.

³ См. Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964, стр. 35.

не вызывает сомнений⁴. Например, в гл. 2. 6—8 сообщается, что русские покупают у печенегов быков, коней и овец, «ибо в России нет вышепоименованных животных». В комментарии к этому месту (стр. 13) мы находим лишь отсылку к книге М. В. Левченко, но не показано, насколько противоречит сообщение Константина данным археологии.

Рецензируемая работа содержит детальный комментарий к гл. 9 (стр. 20—61) — «русской главе» трактата. Автор (Оболенский), знакомый, кстати сказать, и с советской историографией, выступает с позиций умеренного норманиста, подчеркивая, что Киевское государство не было создано из ничего норманнами в IX в., что основания его были заложены славянами в предшествующий период, что «существовавшая ранее славянская землевладельческая аристократия и класс купцов» определили территориальную целостность и экономический подъем страны; но вместе с тем, по мысли Оболенского, именно скандинавы во второй половине IX в. объединили разрозненные племена восточных славян (стр. 23). Самый термин «Русь» автор связывает со скандинавским Севером (стр. 21), а «русские» названия порогов выводит из скандинавских языков (стр. 45—51) (отмечу попутно, что Моравчик принимает для седьмого порога название *Στροβόλον*, засвидетельствованное Парижской рукописью, а не «Струвун», которое Левченко считал славянским⁵). Спорный термин *πατριῶται* Оболенский рассматривает как «обязанные данью», а не «союзники» (стр. 33). Термин *ἄρχων Ῥωσίας* он считает официальным обозначением императорской канцелярии для киевского князя (стр. 29) — впрочем, на печатях этот термин прилагается и к другим русским князьям, например к Давиду Игоревичу Волынскому⁶.

Большой раздел комментария (стр. 156—180) посвящен армяно-грузинским главам. Автор (Рэнсимен) считает, что Константин опирался в этом разделе на армянские и грузинские источники и что его единственной крупной ошибкой была путаница в описании реки Аракса (стр. 159). Рэнсимен не ставит вопроса о политической тенденциозности этих глав⁷. Работы советских историков и археологов, посвященные средневековой Грузии и Армении, им не привлекаются. Точно так же следовало использовать работы советских исследователей при характеристике Алании (стр. 62), Саркела (стр. 154), Тмутаракани (стр. 156), Херсона (стр. 205—209).

А. К.

А. Я. СЫРКИН. ПОЭМА О ДИГЕНИСЕ АКРИТЕ

Издательство «Наука». М., 1964, 237 стр.

А. Я. Сыркин занимается изучением «Дигениса Акрита» с 1956 г. Настоящая книга — итог его работы. Хотя в книге в той или иной степени затронуты все вопросы, связанные с византийским эпосом, ее основная цель — характеристика памятника как исторического источника.

Первый раздел — «Дигенис Акрит и его изучение» — носит вводный характер. Наряду с чисто информационным материалом (история открытия, пересказ содержания памятника), здесь содержится история изучения эпоса от первых о нем упоминаний в 70-х годах прошлого века до еще находящихся в печати статей. Обзор этот не может являться исчерпывающим — список работ о «Дигенисе» достиг внушительного объема, — но в нем проявилась одна из самых сильных сторон Сыркина-исследователя: его крайне осторожное, придирчивое отношение к концепциям своих предшественников.

Второй раздел («Отражение исторических событий в поэме») начинается характеристикой социально-политического и литературного окружения «Дигениса». Автор излагает взгляды советских ученых на социальную историю IX—X вв., старается обрисовать культурный фон эпохи, называет литературные параллели к «Дигенису». Этот по преимуществу компилятивный материал уместен в книге, хотя некоторые положения (например, о светских течениях и «антихристианской» школе в культуре) явно нуждаются в уточнении и аргументации.

⁴ М. В. Левченко. Произведения Константина Багрянородного как источник по истории Руси с первой половины X в. — ВВ. VI, 1953, стр. 14 и сл.; его же. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 182 и сл.

⁵ М. В. Левченко. Очерки..., стр. 209. Оболенскому еще не могла быть доступна работа советского ученого А. И. Толкачева «О названии днепровских порогов в сочинении Константина Багрянородного». — «Историческая грамматика и лексикология русского языка». М., 1962, стр. 29—60.

⁶ A. V. Solovjev. "Ἀρχων Ῥωσίας — Byz., 31, 1961, p. 240 sq.

⁷ См. об этом М. В. Левченко. Очерки..., стр. 187—191.